

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6.

«Я — это я. А вы кто?» Бахлул Даненде...

Этим, будем говорить, эпиграфом открывается третья глава книги Рафаэля Гусейнова «Никто, переживший века», которая начинается с таких вот слов: «Он простирал руки к небу, взывая к Аллаху: «... Люди, сотая Тебя далёким, учинили на земле неурядицу. Опустились с небес в гущу джамаата, может, устыдятся при виде тебя, усомнятся...».

А ведь устами местного заурядного безумца, как его характеризует история, глаголет истина. Внимательно читайся в эти строчки, уважаемый читатель. Разве они не о сегодняшнем дне нашем?

В этой главе автор знакомит нас с шекинским балагуром-острословом по прозвищу Дели-Абдулжаббар, забавные истории о котором повествовал Рафаэлю Гусейнову его «коллега, ныне покойный сотрудник музея Низами, литературовед Абдуррахман Абдуллаев — отец поэта Ариф Абдуллаева.

«Он рассказывал: Абдулжаббар ни свет, ни заря появлялся на центральной площади Шеки, придёт, станет как вкопанный и стоит себе. Окружающие участливо спрашивают: «Что стряслось, Абдулжаббар, Что за беда?»

А он в ответ: «Ай Аллах, с утра наблюдаю эту катавасию, суету... Кто направо устремился, кто налево толпелся... Вот кабы все шли в одном направлении, в общем строю, то и я бы пристроился в поток...». А ведь он прав, этот шекинский балагур. И тут невольно вспоминается басня Ивана Андреевича Крылова, вышедшая в свет, веками позже, описанная в этой главе исторических событий, аж в 1814 году, «Лебедь, щука и рак»:

*«Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.*

А разве все беды человечества не от того, что люди не могут найти общего языка и прийти к согласию, решая совместными усилиями те или иные глобальные вопросы, от которых зависит будущее нашей планеты?

«Такие умные юродивые водились испокон веков», — пишет автор книги на стр. 70. «Прикидывался дураком, они резали правду-матку в глаза... Фольклор окрестил таких псевдоговоруну Бахлулом Даненде — Бахлулом Ведуну. Или Бахлулом Диване — «одержимым»... Предание приписывало его к арабам, превратило в брата халифа Гаруна ар-Рашида... Но Бахлул задолго до арабских письменных текстов и устных преданий был любимым, нестареющим персонажем азербайджано-турецкого, афганского, курдского и других этносов персидского региона», — сообщает Р. Гусейнов.

Автор сравнивает его с мугамом, который неизвестно где и когда зародился и который по какой-то причине не зафиксирован на одном месте.

«Отчего он странствовал по свету, обходя край за краем?... Как стихия, как ветер, как солнечный луч, испосланный с небес? Таков и Бахлул. И он, как мугам, как восточный ковер, как звонкоострунный саз, как тар, давно переступил локальные границы, как всеобщее духовное достояние. Подобно Молле Насреддину, Кероглу, как прародитель нации, сын народа он превзошёл этнические рамки, поднялся на уровень любимца многих народов», — читаю я эти строчки, получая истинное удовольствие от того, как они написаны и какую интересную важную информацию доносят до нашего XXI века из глубин далёких времён.

Больше чем уверена, что немногие из вас знают этого фольклорного героя, который, смея людей, сам оставался неублаженным.

«В Южном Азербайджане ходит даже анекдот о Бахлуле, — сообщает автор книги. — Правитель объявил вознаграждение тому, кто принесёт весть о том, что застал Бахлула смеющимся. И вот однажды с тебризского базара во дворец прибегает мясник с вестью: «Он засмеялся!»...

А засмеялся Бахлул, оказывается, всего лишь от того, что проходя мимо скотобойни, его осенила радостная мысль о том, что ему не грозит опасность быть принесённым на жертвенное заклание.

«Если допустить версию о том, что Бахлул жил во времена Аббасидов, когда правил Гарун ар-Рашид, то этому анекдоту, — пишет автор на 72-й странице, больше 1000 лет. Но возраст баек и притч о Бахлуле Даненде охватывает хронологически и VIII век, и X век, и позднейшие столетия, вплоть до XX века и наших дней».

Являясь порождением своей эпохи, Бахлул Даненде, как и Молла Насреддин, просто бессмертен, ибо анекдоты и фольклорные истории о нём продолжают жить. Одну из тех, что в результате кропотливых поисков отыскал автор книги, хочу предложить вашему вниманию в том варианте, в котором она запечатлена на 73-й странице книги.

«Как-то Бахлул сидел на обочине дороги. Случилось в это время ехать верхом по ней шаху к визирю. Осадили коней, подъехали. Визирь предупредил венценосца: мол, не трогай его. Шах же не преминул попытаться: кто ты, что ты тут делаешь. «Никто», — отвечает Бахлул. — И ничего я тут не делаю. А что ты будешь? «Я — шах, моё дело — править страной!»... «Лад-

но, а если ты пойдёшь повыше, кем станешь, чем займёшься?». «Повыше нет никого». Как это нет? Продвинулся ты повыше, станешь никем. Значит, я опередил тебя и повыше, потому как я уже — никто...».

«Вот как загнул Бахлул! И вот этот изгой, парий, никто — давал прикурить несметным властелинам мира сего, переживал века и оставался любимцем. Кто же был этот Никто?»

Далее мы узнаём о том, что на исходе восьмого столетия арабский халифат переживал звёздные часы своей гегемонии. Силой цементирующей «все четыре угла этой громадной империи были ислам, исламская культура и доминирующий язык науки — арабский. Позднее его миссию в поэзии возьмёт на себя персидский. И лишь в XIX-XX веках, когда наша литература выйдет из сферы исчерпавшей себя арабско-персидской гравитации, наши классики — и Мирза Фатали, и Мирза Джалил, и Гусейн Джавид — будут творить на азербайджанском.

А теперь давайте посмотрим, кем же был Гарун ар-Рашид (786-809), якобы близкий родственник Бахлула, ставший героем знаменитых сказок «Тысяча и одна ночь».

«Правдивые и достоверные штрихи к его портрету и его эпоху воссоздали средневековые добросовестные летописцы Ибн Джарид ат-Табари (838-923) и один из столпов исторической и географической науки Абульгасан Аль-Масуди (умер в 956 г.). На страницах их трудов портрет Гаруна ар-Рашида существенно блекнет по сравнению с расцвеченным образом фольклорных версий. Но, во всяком случае, его эпоха отличалась экономическим подъёмом, особенно, прогрессом культуры (литературы, в частности!), значимым отпочковком волны персоязычной цивилизации — «аджемов»... Любопытно, что Гарун — будущий халиф — родился в феврале 786 года в Персии, в городе Рэй, неподалёку от Тегерана. В Персии же он окончил свои дни в городе Тус в марте 809 года. В обоих городах, большинство жителей тогда составляли азербайджанцы...

Сказки «Тысяча и одна ночь, сообщающие о феерическом красочном антураже весёлого бытия халифа, их фантазия питалась художественными веяниями с берегов Хазара, азербайджанскими, иранскими первоисточниками... Не будем забывать о том, что до халифского престола Гарун ар-Рашид был наместником в Ифрикии (Тунисе), Сирии и Азербайджане. А в период правления Аббасидов наместником державы в Азербайджане были ставленники из рода Бермеки — молочного брата Гаруна ар-Рашида», — сообщает автор книги.

А вот о том, что у халифа был брат по имени Бахлул нет никаких исторических аргументов. Впрочем, известен такой фольклорный сюжет: «Гарун ар-Рашид отсутствовал во дворце, и Бахлул, пробравшись в покои халифа, воссел на трон. Его застигли врасплох и основательно поколотили, а тут возвращается халиф, и Бахлул при виде его начинает плакать навзрыд.

— В чём дело, почему ты плачешь? Больно тебе?», — спрашивает его халиф.

— Нет, я не из-за себя плачу, из-за тебя... Стоило мне минутку-другую посидеть на твоём троне, как меня избили. А вот ты столько лет на престоле сидишь. Вот представь, какого леща тебе зададут, когда покинешь трон. Вот я и оплакиваю твою участь...

Ответ, достойный этого фольклорного героя.

На 79-й странице автор повествовал историю о том, как ему довелось в конце 90-х годов минувшего века «просмотреть уголовные дела работавшего в «Азербайджан» фольклориста Бахлула Эфенди, выступавшего в печати под псевдонимом «Бехджет», который в 1915 году был назначен распоряжением Кавказского муфтия на должность кази — духовного пастыря мусульман Зангезурского уезда. «В текстах уголовных дел речь шла о книгах, подготовленных им о людях, с которыми он общался, в том числе Ахмеди Джедвете Пепинове, Гусейне Джавиде, Салмане Мумтазе, Абдулле Шаиге. Я тогда расспросил сына Абдуллы Шаига, академика Кямала Тальбадзе о Бахлуле Эфенди. Кямал муаллим поделился тем, что знал об этом многострадальном человеке...»

Оказалось, что Бахлул Эфенди своим именем обязан фольклорному персонажу, о котором он собрал много материалов и даже планировал издать в середине 30-х годов XX века отдельную книгу о Бахлуле Даненде. Опираясь на письменные и устные источники, Б. Эфенди доказывал, что Бахлул Даненде был реальной исторической личностью, более того — «азербайджанцем, слыл среди современников учёным и садоводом, даже вывел новый сорт вишни, который в честь селекционера в народе называли «Бахли»».

К большому сожалению, претворить в жизнь свой замысел он не успел. «В 1937 году (году страшных репрессий) Бахлул Бехджет был арестован в четвёртый раз и через год — расстрелян... Скольким я не рылся в разных архивах, в поисках собранного им материала и анекдотов о Бахлуле Даненде, ничего не обнаружил. Вероятно, и рукописи уничтожили, как и его самого. По сути Бахлул Бехджет являлся Бахлулом Даненде своего рокового времени. Аллаху ведомо (тому самому Аллаху, к которому обращался Бахлул Даненде в начале этой главы), в который раз убивали фольклорного ге-

«Бахлул Даненде»
Художник: Фархад Алиев

рою с IX столетия доньше, на сей раз вероломными выстрелами энкведэшных экзекьюторов!», — пишет автор.

Он так же сообщает о том, что фольклорному Бахлулу суждено было явиться в Азербайджан ещё на заре XX века. С 19 мая до 4 ноября 1907 года его имя красовалось в названии девяти номеров одноимённого журнала, выходившего в Баку на волне общественного подъёма, вызванного знаменитым «Моллой Насреддином».

Из повествования на 82-й странице узнаём о том, что в 1913 году Бахлул Даненде родился заново. «В типографии «Каспий» Исабека Ашурбекова увидела свет книга — комедия в двух актах — дебютировавшего на сцене актёра Ахмедбека Гамарлинского «Бахлул Даненде». Автор выстроил цепь событий, сопрягая отдельные анекдотические моменты по фольклорным текстам о Бахлуле... За два года до этой пьесы Абдулла Шаиг написал комедию «Халиф на час»...

В пьесе говорится о том, как халиф Гарун ар-Рашид, переоблачившись в купца и обходивший Багдад, случайно встречает молодого человека по имени Абульгасан ибн Саид, который сообщает о своей заветной мечте — побыть хотя бы на один час на троне халифа. Мечта эта сбывается...

Ни в первом варианте за 1911 год, ни в 20-е годы в спектакле театра «Сатирогит» образа Бахлула в пьесе не было.

В 1957 году Абдулла Шаиг изменяет название произведения на «Одночасовое халифство» и вводит в пьесу образ Бахлула Даненде... 7 июня 1957 года на сцене ТЮЗа Бахлул начинает свою новую жизнь. Блестящую постановку, долгие годы шедшую с аншлагом, осуществил Зафар Нематов.

По сути, Азербайджан тогда впервые увидел воочию на сцене своего фольклорного героя Бахлула», — констатирует Рафаэль Гусейнов. Далее, описывая выход на сцену Бахлула с соратниками — «кавалеристами», автор приводит их песенку:

*Наша праведная рать,
Нравом правильная рать,
Рать дерзая и отваги,
Зло карающая рать!
Знания и прозрения рать,
Полная презрения рать,
Ненавидящая гнёт,
Человеческая рать.*

«До сих пор у меня на слуху эти слова. Середина 60-х годов. В Кюрдмир на гастроли приехал ТЮЗ. Впервые я увидел легендарного насмешника и остролиста на «лошадке» — тростнике — его играл Алиага Агаев. Но в памяти запечатлелся актёр, которого я буду обождать — Юсиф Велиев. Тогда я учился в третьем или четвёртом классе», — пишет автор книги.

Для интереса я ознакомилась с репертурами таких наших театров, как тот же ТЮЗ, музыкальной комедии, на сцене которого мы 1 марта 2003 года отметили под приветственное обращение Гейдара Алиева 75-летний юбилей нашей газеты, да и Русский драматический, репертуар которого долгое время публиковался на 16-й странице нашей газеты и нигде не обнаружилась пьесы Абдуллы Шаига. А ведь это очень большой пробел не только в культурной жизни нашей страны, но и в воспитании молодого поколения.

Продолжение следует.

Подготовила Медина ГАСАНОВА.